

Сэр Уильям Гамильтон.

ционной Франции. То ли с умыслом, то ли случайно, но в качестве такового прибыл в Неаполь и вручал верительные грамоты человек, в свое время оглашавший приговоры, по которым были казнены во Франции Людовик XVI и его жена — родная сестра Каролины Мария-Антуанетта.

Очень часто в эти бурные годы приходилось неаполитанской королеве вспоминать о том, что ее может постигнуть судьба ее сестры. Поэтому Каролина с последовательной жестокостью стремилась истреблять всякие либеральные ростки, которые пробивались в неаполитанском обществе.

Географическое положение Королевства

обеих Сицилий делало это государство весьма желанным союзником для Англии в ее неустанной борьбе против Франции. Англия для Неаполя также была естественным союзником, ибо она располагала флотом, который мог бы защитить в случае нужды длинную береговую линию Королевства от нападения французов.

В 1798 году представителю Англии при короле Фердинанде сэру Уильяму Гамильтону было уже 68 лет. Из них примерно половину он провел на посту посланника в Неаполе. До последнего времени эта должность не была обременительной для сэра Уильяма. Его не увлекали хитросплетения неаполитанской политики, в которых,

впрочем, он легко ориентировался. Интересы Гамильтона лежали в несколько иной плоскости. Он любил Италию, ее природу, яркое голубое море, ему нравились Везувий, горы. Он был человеком образованным, занимался историей и еще больше искусством Древнего Рима и Греции. Сэру Уильяму принадлежала уникальная коллекция этрусских и греческих ваз (из раскопок). Посланник собирал и картины, у него была хорошая коллекция произведений великих мастеров итальянского Возрождения. Все свое время Гамильтон отдавал изучению своих сокровищ или просто их созерцанию. Правда, досаждали любящему покой и размышления посланнику английские туристы. В те времена даже говорили, что в Неаполе нельзя и шагу ступить — обязательно наткнешься на англичанина. И все это была знать, зачастую высокопоставленная, включая и членов королевской семьи. Эти люди претендовали на особое внимание посланника. Они-то и оставили массу воспоминаний и писем о сэре Уильяме, о его супруге Эмме и о пребывании в 1798—1799 годах в Неаполе Нельсона. Красивой, умной, полной огня леди Гамильтон было в то время 33 года, и она гораздо больше знала в политической жизни королевства, чем ее супруг. Реальной правительнице страны Каролине легче и проще было обсуждать дела с Эммой, а не с ее пожилым и усталым мужем. Многие беседы велись неофициально, что давало известную гибкость в принятии решений. Сэр Уильям вступал в дело на последнем этапе и официально санкционировал результаты, которые были достигнуты в переговорах леди Гамильтон и королевы. Две энергичные женщины сконцентрировали в своих руках основные нити политики, которые король Фердинанд не мог ржать из-за того, что природа весьма экономно наделила его интеллектом, а сэру Уильяму — из-за преклонного возраста и отсутствия интереса к политическим играм.

Сэр Уильям — представитель древнего аристократического рода герцогов Гамильтонов, был не первым сыном в семье и по-тому не стал обладателем фамильного состояния. Его мать, происходившая из семьи афов Аберкорн, была кормилицей будущего короля Георга III. В детстве юный амильтон играл с наследным принцем. Все это упростило положение Уильяма в эшмее свете и привело впоследствии к тому, что он занял пост посланника в Неаполе, получив рыцарский крест ордена Бани, которым его наградили «за то, что он был там, где был», то есть тихо и спокойно сидел на берегу Неаполитанского залива. В молодости Уильям служил в гвардии женился на своей родственнице Екатерине Гамильтон, получившей в наследство

крупное поместье в Уэльсе, которое приносило 5 тысяч фунтов стерлингов в год — очень солидную по тем временам сумму. На эти деньги и приобретались бесценные вазы и картины. Холлы и залы палат Сесса были украшены работами Леонардо да Винчи, Рубенса, Рембрандта, Гальса и других крупнейших художников. У первой жены сэра Уильяма было плохое здоровье, и она скончалась в 1782 году.

Эмма, прежде чем стать леди Гамильтон и поверенной королевы Каролины, прошла трудный, необычный и почти невероятный путь. Она родилась 26 апреля 1765 года в бедной семье деревенского кузнеца в графстве Чешир. Семья была большая, и мать пристроила смышленную и красивую Эмму — почти девочку — в прислуги. Эмму постигла судьба многих молоденьких девушек, оказавшихся в услужении в аристократических домах Англии. Еще до того как ей исполнилось 15 лет, ее полной беззащитностью воспользовались некие мерзавцы, в чьих жилах текла голубая кровь.

Весной 1782 года Эмма оказалась в доме 33-летнего аристократа-холостяка Чарльза Гревилля, где она прожила четыре года. Девушка жадно и быстро училась. Именно в это время она стала настолько красивой, что с нее писали многочисленные портреты крупнейшие английские художники — Рейнольдс, Лоуренс, Хоппер и Ромни. «И вскоре она уже выглядела бы вполне респектабельно в любом обществе», — замечает адмирал Джеймс.

Для Гревилля Эмма была всего лишь удобной хозяйкой его холостяцкого дома. Для Эммы же Гревиль был тогда всем, она его любила, и это признают не только ее друзья, но — что более важно для установления истины — и ее враги.

В 1784 году Уильям Гамильтон приехал в Англию в отпуск. Он был дружен со своим племянником Гревилем и часто гостил у него в доме. Эмма ему сразу понравилась.

Девушка мечтала о том, что Гревиль на ней женится. Но у Гревилля были другие планы. Состояния он не имел, сколотить его трудом не хотел, да и не мог — люди этой породы привыкли все получать без усилий, — поэтому оставался один, проторенный многими путь: жениться на богатой наследнице. Тут как раз подвернулся подходящий объект — невеста из довольно знатной семьи с приданым в 20 тысяч фунтов стерлингов. Для реализации этого плана требовалось лишь одно — Эмма должна была покинуть дом Гревилля.

Просто выгнать ее на улицу было нельзя. Друзья Гревилля знали всю историю их отношений, и это вызвало бы скандал. Поэтому племянник решил передать свою возлюбленную сэру Уильяму, благо тот был вдовец и жил далеко от берегов Анг-

Родители В. Комарова.

Страшен был в гневе инструктор.

— Кто из жориков сочинил эту гнусь?
Кто из жориков тронул песню?

Не очень-то смутил курсантов гнев инструктора, изучили уже порядком все его взбрыки-выбрыки. Пересмеиваясь, вытолкнули вперед курсанта Комарова. Глаза у инструктора сделались круглыми. Торопливо заговорил, застегивая и без того застегнутую пуговицу гимнастерки:

— Курсант Комаров! Потрудитесь исправить песню обратно! Я жду, курсант Комаров! Начинайте, пойте...

Дружный смех был ему ответом.

— Он не умеет, товарищ лейтенант.

Ему... это... медведь... на ухо... Лучше не надо, товарищ лейтенант.

Инструктор мгновенно овладел собой. Он все-таки понимал толк в розыгрышах и по молодости лет не умел долго сердиться.

— Без слуха скучно жить, курсант Комаров. Назначаю вас завтра в провозной полет. В небе споём без свидетелей. Дуэтом!

Вот так получилось, что уже следующее свое письмо Комаров начинает своеобразным эпитафием: «13.07.46 г. Счастливое авиационное число». Цифра 13 останется и потом счастливой в жизни Комарова. На самолете под № 13 он уйдет в первый самостоятельный полет. 13 марта 1954 го-

Родители В. Комарова.

Страшен был в гнев инструктор.

— Кто из жориков сочинил эту гнусь?
Кто из жориков тронул песню?

Не очень-то смутил курсантов гнев инструктора, изучили уже порядком все его взбрыки-выбрыки. Пересмеиваясь, вытолкнули вперед курсанта Комарова. Глаза у инструктора сделались круглыми. Торопливо заговорил, застегивая и без того застегнутую пуговицу гимнастерки:

— Курсант Комаров! Потрудитесь исправить песню обратно! Я жду, курсант Комаров! Начинайте, пойте...

Дружный смех был ему ответом.

— Он не умеет, товарищ лейтенант.

Ему... это... медведь... на ухо... Лучше не надо, товарищ лейтенант.

Инструктор мгновенно овладел собой. Он все-таки понимал толк в розыгрышах и по молодости лет не умел долго сердиться.

— Без слуха скучно жить, курсант Комаров. Назначаю вас завтра в провозной полет. В небе споем без свидетелей. Дуэтом!

Вот так получилось, что уже следующее свое письмо Комаров начинает своеобразным эпиграфом: «13.07.46 г. Счастливое авиационное число». Цифра 13 останется и потом счастливой в жизни Комарова. На самолете под № 13 он уйдет в первый самостоятельный полет. 13 марта 1954 го-

Родители В. Комарова.

Страшен был в гневе инструктор.

— Кто из жориков сочинил эту гнусь? Кто из жориков тронул песню?

Не очень-то смутил курсантов гнев инструктора, изучили уже порядком все его взбрыки-выбрыки. Пересмеиваясь, вытолкнули вперед курсанта Комарова. Глаза у инструктора сделались круглыми. Торопливо заговорил, застегивая и без того застегнутую пуговицу гимнастерки:

— Курсант Комаров! Потрудитесь исправить песню обратно! Я жду, курсант Комаров! Начинайте, пойте...

Дружный смех был ему ответом.

— Он не умеет, товарищ лейтенант.

Ему... это... медведь... на ухо... Лучше не надо, товарищ лейтенант.

Инструктор мгновенно овладел собой. Он все-таки понимал толк в розыгрышах и по молодости лет не умел долго сердиться.

— Без слуха скучно жить, курсант Комаров. Назначаю вас завтра в провозной полет. В небе споем без свидетелей. Дуэтом!

Вот так получилось, что уже следующее свое письмо Комаров начинает своеобразным эпиграфом: «13.07.46 г. Счастливое авиационное число». Цифра 13 останется и потом счастливой в жизни Комарова. На самолете под № 13 он уйдет в первый самостоятельный полет. 13 марта 1954 го-

сомневался в надежности даже «хорошей полиции». Ибо: «Полиция — это институт, где каждый отбывает свою повседневную обязанность, только о ней и думая». Иная думая, подчеркивал аноним, «мы, наши агенты». Ибо: «...все избранные из заклятых врагов социалистов. Полиция бегут нигилисты, нас они не знают и принимают за своих собратьев»¹⁷.

Приведенные строки адресованы княгине Юрьевской. Будучи союзницей Лориса, она приняла и роль посредницы между «Т. А. С. Л.» и Александром II.

«Т. А. С. Л.»

Письма, лежащие перед нами, внешне красивы.

Голубоватая бумага; в левом верхнем углу монограмма, увенчанная короной. Чернила плотные, на растворе нигрозины, как сказал бы каллиграф, «хорошо скользящие с пера». Слегка наклоненный шрифт, «приятный во всех отношениях» почерк человека, привычного к кабинетным занятиям и вполне владеющего французским. Никаких помарок на всех тридцати страницах. На двух из них — увесистая печать красного сургуча того добротного качества, который придает оттиску глянцеви́тость. На печатях отчетливы и лавровый венчик, и звезда с лучами, и крест, похожий на орденский, и надписи: «Т. А. С. Л.», «БОГ И ЦАРЬ», «1879», «СПБ. ОТДЕЛЕНИЕ».

Первое письмо датировано 18 мая 1880 года; последнее — лишь числом и месяцем — 17 декабря. Есть вовсе недатированные, есть с оборванным текстом. Все письма без конвертов. Все начинаются кратким обращением: «Мадам». И все отложились в архивном фонде Александра II, в деле № 678¹⁸.

Едва перелистав эту таинственную корреспонденцию, определяешь два обстоятельства. Архивная подборка неполна: в одном из писем упомянута некая предыдущая информация, а между тем ее не обнаруживаешь в указанном фонде. (Еще досаднее то, что мы не знаем, где письма княгини Юрьевской к этому анониму. А письма были: «Я имел честь получить Ваш любезный ответ», — свидетельствует аноним, каковой для княгини Юрьевской, конечно, не был анонимом.) И далее. Неизвестный автор принадлежал к «высшим сферам». Это явствует не только из его прямых заявлений, но и из мелочной осведомленности. Так, например, он сообщает княгине Юрьевской, что такая-то депеша, ночная и спешная, «была отправлена на Английскую набережную», а в другом месте называет «мадемуазель Шебеко» как возможный, так сказать, канал связи.

На Английской набережной квартировал князь М. М. Долгорукий, старший брат княгини Юрьевской; одно время, до пере-

селения в Зимний, она тоже жила в этом особняке. А Варвара Шебеко подвизалась компаньонкой у княгини Юрьевской — дел. рачительница, детям — нянька; к тому же один из братьев княгини Юрьевской был женат на сестре В. И. Шебеко.

О чем же сообщал рыцарь с опущенным забралом в своих голубоватых французских письмах? О чем извещал он даму-патронессу, неоднократно напоминая о необходимости хранить все в секрете от всех, кроме государя, и столь же неоднократно подчеркивая полное доверие «Т. А. С. Л.» к той женщине, чувства которой к царю не могут не внушать высокого уважения?

Ясности ради процитируем не хронологически, а тематически.

Возникновение «Т. А. С. Л.» корреспондент княгини Юрьевской объяснял «безмятежной дремотой общества», в то время как «адский мир нигилистов, революционеров, социалистов, коммунистов — этих российских санюлотов» «раздавался вширь и бурлил на всю Россию».

«Что же делать? Как предупредить мятеж, революцию?» — вопрошал аноним. «В эту годину кризиса», повествует он, тринадцать человек «не впади в общую одурь и решились спасти того, кто слишком хорош для народа, не знающего признательности».

«Название нашей лиги, — писал он позже, — «Тайная антисоциалистическая лига». Наш девиз — «Бог и царь», наш герб — звезда с семью лучами и крестом в центре. Ныне нас насчитывается около двухсот агентов, и число их непрерывно растет во всех уголках России. При желании, мадам, вы могли бы составить представление, хотя и смутное, о нашей лиге, вспомнив об обществе франк-масонов и других подобных обществах и ассоциациях с их девизами и гербами».

Очевидно, «мадам» выразила подобное желание, и аноним не заставил просить себя дважды. Мы приведем его строки не ради иронической улыбки, а потому, что они дают некоторое представление о структуре лиги:

«Великий лигер, два высших лигера и младшие лигеры, деятельные члены, депутаты, секретари канцелярий, агенты администрации — одним словом, вся административная часть лиги (за исключением ее членов) в молчании собираются в большой зале собраний, где происходит молебен. У каждого черные уставные одежды, на груди знак с серебряными лигистскими литерами, у некоторых гербовые знаки на левом рукаве... После молебна исполняются различные церемонии, каковые происходят в молчании, и лица у всех закрыты, ибо, по законам лиги, никто не должен знать, кто именно его непосредственный начальник, дабы избежать уловок самолюбия и предупредить измены. Именно здесь я имел